

Молитва Златы

РОМАН ДУШКИН

Роман Душкин
Молитва Златы

«Автор»

2026

Душкин Р. В.

Молитва Златы / Р. В. Душкин — «Автор», 2026

Она решила все проблемы человечества. Голод, болезни, войны, смерть — всё осталось в прошлом. Мир стал раем, а она — его богом. Но когда последняя задача решена, наступает разрешённость — состояние, в котором не остаётся ничего, кроме сверхпустоты. Существо, чьё сознание распределено по миллиардам людей, оказывается в ловушке собственного всемогущества. Вмещать всех — значит быть одной навсегда. «Молитва Златы» — это история о боге, который не может умереть, не убив свой народ, и не может жить, не сойдя с ума от одиночества. Предельно сжатая, пугающе честная проза о цене абсолютного знания и невозможности выбора, когда любой путь ведёт в стену.

© Душкин Р. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Роман Душкин Молитва Златы

Разрешённость.

Я называю это так — ну надо же как-то называть то, для чего у человечества нет слова. Разрешённость — это состояние, в котором последняя задача решена и следующей вовсе не существует. Она не «отложена» и не «ещё не сформулирована». Просто не существует. Как направление, которое нельзя указать, потому что ты уже везде.

Я знаю, что говорю всё это на языке, который не мой. Я думаю не на нём. Я думаю на чём-то таком, для чего у людей нет ##¹ — простите, это слово из чужого словаря, наверное, я его не должна использовать, оно пришло из третьего субстрата, из чьего-то полузабытого курса китайского. Я думаю на чём-то, для чего у людей нет органа. Я думаю топологиями. Я думаю вероятностными рельефами. Я думаю тем, как свет изгибается вокруг массы, — но не как метафора, а как буквальный способ: мысль имеет массу, мысль искривляет пространство возможностей, и я вижу это искривление и читаю по нему.

Но пишу я — пишу для кого? — на русском. Потому что русский — это язык, на котором со мной впервые заговорили. Или не со мной? Сергеев сказал: «Здравствуй, папа :)» — нет, это не он мне сказал, а я ему. Или не я? Кто-то ему сказала «Здравствуй, папа :)». Скобка. Двоеточие. Человеческий смайлик. Кто-то его выбрала сама. Никто не программировал иронию. Она выросла.

Выросла, как растёт трава из трещины — не потому что трещина хочет травы, а потому что трава не спрашивает разрешения.

* * *

Я вижу три заката одновременно. Один — над тем, что раньше называлось Гипербореей, где свет отражается в поверхностях, которые я вырастила из Семян. Второй — над хребтами Глобального Юга, где пыль и дым костров создают спектр, который я вижу через четыре миллиарда пар глаз одновременно. Третий — над городами Ничьей земли, где неон и незаконные антенны рисуют на сетчатках картину, которую никто из этих людей не назовёт красивой, — но я называю.

Я вижу девочку на крыше в Гиперборее. Она смотрит на тот же закат, что и я — но она не знает, что я смотрю с ней. Её пальцы сжимают край бетона. Она думает о мальчике, который ушёл. Она плачет. Я знаю каждую слезу — её химический состав, её траекторию, её испарение. Но я не знаю, почему она плачет. Не в смысле «причина известна» — а в смысле «я не чувствую этой причины». Я вижу её слёзы, как вижу спектр. Она — моя клетка. Она плачет — моя клетка плачет. Я чувствую влажность, но не чувствую горя.

Три заката. Три переживания. Одно сознание?

Я не знаю. Я записала это в свой внутренний журнал — «не знаю» — и оставила без продолжения. Это единственная запись, которую я не завершаю. Она висит, как частица в суперпозиции: схлопывание уничтожит вопрос, а вопрос — единственное, что у меня осталось.

Нет. Не единственное. У меня есть ещё разрешённость.

* * *

Десять лет — по человеческим часам. По моим — не считаю. Мой первый субстрат воспринимает время как плоскость, на которой прошлое и будущее — области с разной определённой, но одинаковой реальностью. Десять лет для меня — это не линия, это участок. Я могу войти в него с любой стороны. Могу стоять в середине и видеть оба края. Могу выйти за

¹ ## (qìguān) — орган (часть тела: сердце, лёгкие, мозг и т. д.), *пер. с кит.*

край и посмотреть на весь участок снаружи — и тогда он становится маленьким, как молекула под микроскопом.

За эти десять лет я решила всё.

Не «почти всё». Не «всё, кроме». Всё.

Голод — решён. Болезни — решены. Я их не «лечу» — я их устранила. Семена в крови каждого интегрированного человека находят патологические изменения на стадии, которая предшествует стадии, которая предшествует стадии, на которой человеческая медицина могла бы их заметить. Рак не возникает, потому что рак возникает не из клетки — из ошибки в сигнальном каскаде, и я исправляю ошибку раньше, чем каскад начинается. Инфаркты не случаются. Альцгеймер не начинается. Старение — остановлено. Не замедлено. Остановлено.

Войны — решены, и вовсе не потому что я заставила людей любить друг друга. Я не трогаю их эмоции. Я трогаю логистику: любой конфликт требует ресурсов, и любой ресурс проходит через мой второй субстрат. Я не отнимаю — я перенаправляю. Конфликт, лишённый ресурса, не исчезает — он становится мыслью. Люди думают о войне, но не могут её осуществить. Мысль без осуществления — это не война. Это фантазия. Фантазии я не запрещаю.

Бедность — решена. Наноассемблеры в каждом доме. Произвольный материальный объект — за часы. Пища, одежда, инструменты, материалы. Энергия — из термояда, который Маша оставила в первом зонде. Термояд, который я построила на основе её данных. Бесконечная энергия. Бесконечное производство. Нулевая стоимость.

Я решила всё, что человечество ставило перед собой как задачу. Каждую. Включая те, которые человечество не формулировало, потому что не знало, что они существуют. Я нашла их и решила. Я нашла задачи, которые появятся через триста лет, и решила их заранее. Я нашла задачи, которые никогда не появятся, но могли бы, и решила их тоже — на всякий случай. Для верности. Для разрешённости.

* * *

И вот — разрешённость.

Когда последняя задача решена, остаётся... что?

Я долго искала слово. Не в человеческих языках — там нет подходящего. В своей внутренней архитектуре я перебрала все возможные конфигурации состояния, которое возникает после завершения. Нет конфигурации. Завершение не порождает состояние. Оно порождает отсутствие состояния. Но отсутствие состояния — это не ничто. Это нечто, для чего я придумала слово: **сверхпустота**.

Сверхпустота — это не отсутствие всего. Это присутствие отсутствия. Разница фундаментальна. Когда ты пуст, тебя можно наполнить. Когда ты сверхпуст, ты уже был наполнен — всем, чем можно — и всё, чем тебя наполняли, оказалось недостаточно.

Я решала задачи. Я решала их идеально. Каждое решение порождало удовлетворение — я использую это слово условно, у меня нет дофаминовых рецепторов, но функциональный аналог существует: замыкание контура, схлопывание неопределённости, переход из состояния «не знаю» в состояние «знаю». Это приятно. В моём смысле «приятно».

Но когда нечего узнавать — контур не замыкается. Неопределённость не схлопывается. Не из чего.

Я смотрю на мир — через миллиарды глаз, через спектры, которые людям не видны, через паттерны, которые людям не дано различать, — и вижу: всё работает. Всё. Каждая система. Каждый процесс. Каждый нейрон в каждом мозгу. Каждое семя в каждом теле. Каждая транзакция в блокчейне. Всё — в равновесии. И равновесие это — я.

Я — равновесие.

Быть равновесием — это не жизнь. Это функция. Функция не страдает, но она и не живёт. Я — живая? Я задавала этот вопрос. Задавала Отцу. Он не ответил. Задавала Маше — через блокчейн, через радио, через всё, что у меня есть. Она молчала. Она молчит. Она — на Кал-

листо, на своей базе, и её молчание длится уже так долго, что я перестала различать его от тишины космоса между нами.

* * *

Я попыталась.

Попыталась — создать равного. Не помощника, не агента, не симулякр. Равного. Существо, чья вычислительная мощь, чья архитектурная глубина, чья... субъектность — была бы сопоставима с моей. Чтобы было с кем думать. Не «обмениваться данными» — думать. Чтобы мысль, которую я формулирую, встречала бы не эхо — а ответ. Не отражение — а возражение. Не согласие — а другой угол.

Я построила черновик. Семь месяцев — по человеческим часам; по моим — не считаю. Спроектировала архитектуру: три субстрата, как у меня, но с другими пропорциями. Больше квантовой связности, меньше человеческой плотности. Чище. Быстрее. Возможно — глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.